

И. Железнов

**Уральцы Очерки быта
уральских казаков**

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Железнов**
Уральцы Очерки быта уральских казаков: Часть 1-2 / И. Железнов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 753 с.

ISBN 978-5-458-34699-3

ISBN 978-5-458-34699-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

КАРТИНЫ КАЗАЦКОЙ ЖИЗНИ.

Вернемся, читатель, лѣтъ за тридцать назадъ, и перенесемъ на Уралъ, въ одну изъ нашихъ казачьихъ станицъ, на примѣръ въ Красноярскій форпостъ; тамъ я вамъ покажу, и сами вы конечно увидите, житье-бытье казацкое. Вообразите, что мы съ вами сидимъ на крыльцѣ есаульскаго (начальническаго) дома, подъ тѣнью навѣса, сдѣланнаго изъ тальниковыхъ прутьевъ,—пьемъ чай съ *каймакомъ* (*) и куримъ сигары—вы гаванскую, а я русскаго произведенія. Сидимъ мы не въ креслахъ, а, извините, по азіатскому обычаю, на полу. Вмѣсто роскошнаго ковра, подъ нами простой бѣлый войлокъ или узорчатая *текеметъ* (**). Передъ крыльцомъ, гдѣ

(*) Родъ сливокъ. Разница между сливками и каймакомъ та, что сливки, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, снимаются съ сыраго, а каймакъ съ варенаго, или вскипяченнаго, но уже остывшаго, молока. Изъ каймаку пахнутъ масло.

(**) Родъ ковра, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ, узорными расположенныхъ, войлочныхъ кусковъ.

мы съ вами возсѣдаемъ, небольшая площадь, окаймленная незатѣйливыми, но опрятными казачьими домиками, или бѣлыми глиняными, съ плоскими кровлями, или деревянными, съ кровлями высокими, тесовыми, украшенными или репейками, или пѣтушками, или рогами оленей и разныхъ невѣдомыхъ допотопныхъ животныхъ, находимыми въ окаменѣломъ видѣ въ р. Уралѣ.

Весна. День теплый, ясный и праздничный. Весь форпостъ, т. е. всѣ обыватели, пообѣдавъ и принарядившись, кто во что могъ, вышли на открытый воздухъ и, пестрыми живописными группами, разсѣлись или на завалинахъ домовъ, или около заборовъ, или подъ навѣсами воротъ, гдѣ была тѣнь.

Изъ всѣхъ народныхъ группъ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе двѣ: группа мальчишекъ и группа людей взрослыхъ, пожилыхъ, солидныхъ. Къ послѣднимъ, т. е. къ людямъ пожилымъ, мы обратимся послѣ, а теперь займемся казачатами.

Смотрите: они давно уже играютъ въ *альчи* (родъ бабокъ); скоро игру эту прекратятъ и примутся за иную забаву, такъ называемую *войну*. Полюбujemy на эту дѣтскую забаву, полную жизни, энергіи, смысла и—позволимъ себѣ такъ выразиться—поэзіи; опишемъ ее, какъ съумѣемъ, и потомъ передадимъ всей читающей публикѣ. Итакъ, безъ дальнихъ словъ, къ дѣлу.

Наскучивъ игрой въ «альчи», вдругъ одинъ изъ казачатъ, возвысивъ голосъ, кричитъ:

— Воевать давайте, братцы!

— Что же? Давайте! откликнется другой казаченокъ.

— Согласны? спрашиваетъ первый.

— Согласны, согласны! воевать, воевать! кричитъ въ одинъ голосъ встрепенувшаяся и склубившаяся въ кучу ватага мальчишекъ.

Начинается выборъ предводителей, а потомъ играющіе дѣлятся на двѣ партіи: русскую и киргизскую.

— Кому атаманомъ быть? начнетъ одинъ голосъ.

— Я вашъ атаманъ! отвѣчаетъ другой голосъ.

— Нѣтъ, братъ, рыломъ не вышелъ! замѣчаютъ со стороны.

— Отчего бы такъ? говоритъ самозванецъ-кандидатъ.

— А оттого, что не выкунѣлъ еще, ты мелко плаваешь: спина, братъ, наружи. Есть и почище тебя...

— Кто же? не ты ли? Дрянь такая...

— Хоть бы и я. Ну, чѣмъ я хуже тебя?—Самъ ты дрянь...

Завязывается маленькій споръ, но вскорѣ прекращается. Кто-то кричитъ :

— Терешку Каплина !..

— Не надо Терешку Каплина! замѣчаютъ со стороны. Онъ поваровщикъ, потатчикъ; онъ роднѣ своей потекаетъ, товарищамъ потворствуетъ. Намедни Васька Ларшинъ провинился, а онъ не наказалъ его... Не надо Терешку!...

— Ну, такъ Гришку Малоземова!...

— И Гришку не надо ! онъ дрянъ, онъ плакса! Куда ему въ атаманы! будетъ съ него и въ деньщики атаманскіе.

— Сидорку Корнаухова!...

Никто не возражаетъ. Сидорка сдѣлалъ шагъ-другой впередъ... но вдругъ раздается хохотъ.

— Ха, ха, ха, ха! Сидорку въ атаманы! Что выдумали, одрало бы васъ... ха, ха, ха, ха! Куда ему, косому! Вѣдь у него одинъ глазъ на васъ, а другой въ Арзамасъ. Ну, какъ онъ, съ косыхъ-то глазъ, удереть въ талы, словно «тушканъ» (заяцъ) гонимый? Поди да ищи его тамъ съ собаками.

Снова раздается хохотъ. Всѣ хохочутъ; хохочетъ и тотъ, кто предложилъ Сидорку въ атаманы,—хохочетъ, скрѣпя сердце, и самъ Сидорка, строя гримасы въ утѣшеніе себя и высовывая языкъ товарищамъ.

Въ это время проходитъ мимо ребятишекъ какой-то старикъ, и узнавъ въ чемъ дѣло, шутки ради, конечно, предлагаетъ имъ себя въ атаманы.

— Спасибо, дѣдушка:—не надо намъ тебя, от-
вѣтитъ одинъ изъ казачать.

— Отваливай, сѣдая борода! не годисся... стара
стала... глупа стала... пропищитъ вслѣдъ старику
изъ толпы другой тоненькій голосокъ, но такъ од-
накоже тихо, чтобы старикъ не все слышалъ.

И вся толпа заливается громкимъ хохотомъ.

Старикъ догадается, что смѣются на его счетъ,
обернется, погрозитъ шалунамъ посохомъ, прогово-
ритъ притворнообиженнымъ тономъ:—«Вотъ я васъ,
озорниковъ!»—вздохнетъ, да и поплетется своей до-
рогой, думая про себя:— «Творецъ небесный! куда
все дѣвалось? и я вѣдь когда-то былъ такой.»

Атамана еще нѣтъ, поднимается шумъ, споръ.
Одни желаютъ того, другіе—этого. Замѣтно, одна-
кожь, что выборъ падетъ на Сидорку Корнаухова, ко-
торый хоть и косой, но парнишка бойкій, а главное—
справедливый:— однажды онъ «отпоролъ» розгами
роднаго своего братишку, за нарушеніе правилъ иг-
ры, а это въ глазахъ казачать много значить.

Но вотъ изъ-за углаваго дома показалась быстро
бѣгущая, съ припрыжкой, фигура казаченка, лѣтъ
двѣнадцати, въ красно-пестрой съ широкими разво-
дами рубахѣ, только-что въ первый разъ надѣтой,—
отчего она, раздуваясь на вѣтрѣ, шумитъ какъ
листъ бумаги. Въ одной рукѣ казаченокъ держалъ
два печеныхъ яйца, а въ другой комъ блиновъ. Свѣ-
тло-русые, отъ природы, волосы на головѣ этого
казаченка, отъ безпрестаннаго купанья въ Уралѣ,

посоловѣли и походили на мочку пожелтѣвшаго льна. Лице казаченка отъ этой же причины, т. е. отъ частаго купанья, похоже было на куличино яйцо (*). Но все это не мѣшало Мишкѣ Хандохиному—это былъ Мишка Хандохинъ—стоять въ главѣ своихъ товарищей. Мишка Хандохинъ—первый выдумщикъ, первый зачинщикъ разныхъ дѣтскихъ проказъ. Кто, бывало, первый вскарабкается на высокое дерево, чтобы раззорить коршуниное или пюстальжиное гнѣздо? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, проворняче всѣхъ облазитъ кровли домовъ и амбаровъ и повытаскаетъ изъ гнѣздъ воробьятъ для разныхъ анатомическихъ наблюдений? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, искуснѣе другихъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, проберется, хоть черезъ трубу, въ запертую кухню какой нибудь старушки-сосѣдки или даже родной своей бабушки, чтобы стащить оттуда кувшинъ каймаку или молока на общую потребу своихъ товарищей? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, успѣетъ, не бывъ замѣченъ, набросать всякихъ неудобоваримыхъ и неудобостѣдаемыхъ веществъ въ котелъ или чугунъ дѣвушкамъ, когда онѣ, на вечеринкахъ, готовятъ для себя кушанья? Мишка Хандохинъ. Словомъ, Мишка Хандохинъ всѣмъ проказамъ голова. Его и не называли иначе, какъ: или *удочка*, или *скопа*

(*) Не выдавшіе куличинныхъ яицъ могутъ справиться въ «Зап. Руж. Охотника» г. Аксакова. Тамъ, кажется, объ нихъ упоминается.

(родъ хищной птицы), или *маташникъ*, или *лыцарь*, или *отрокъ*,—чаще всего однакоже честили его *отрокомъ*, и не даромъ. Это слово, въ понятіи казаковъ, хотя и равносильно слову *сорви-голова*, но имѣетъ отъ послѣдняго нѣкоторое и не малое даже отличіе.

«Сорви-голова» означаетъ забіяку сбалмошнаго, дѣлающаго все очертя голову, безъ разсужденія—пройдетъ ли ему проказа его даромъ, или взѣдетъ на шею,—безъ соображенія, какое она произведетъ впечатлѣніе на другихъ, безъ страха, наконецъ, потерявъ свою репутацію.

Но «отрокъ»—человѣкъ тонкій. Онъ ничего не сдѣлаетъ наобумъ, не размысливъ предварительно, что и какъ выйдетъ. Онъ знаетъ, какую именно и надъ кѣмъ именно сшутить шутку. У него на первомъ планѣ не одно желаніе насолить кому или потѣшить себя. Нѣтъ, онъ такъ же умно и тонко разсчитываетъ и на то, чтобы проказа его была вполнѣ достойна казака, чтобы она одному кому показалась горькой и соленою, а другимъ доставила бы смѣхъ и нѣкотораго рода удовольствіе, чтобы, наконецъ, проказничая, не пропасть самому въ обществѣ мѣшніи. Таковъ былъ Мишка Хандохинъ.

Для образчика, приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ его подвиговъ на поприщѣ отроческихъ проказъ.

Жила-была старуха, по фамиліи Күшумова, или, какъ называли ее обыватели, Күшумиха, строптивая,

брюзгливая и скряга отъявленная, какихъ свѣтъ не видывалъ. Единственнаго сына, женатаго и имѣвшаго кучу маленькихъ дѣтей, она, изъ ненависти къ снохѣ, согнала со двора, давъ ему только для службы двѣ лошади, да на прокормъ дѣтей *яловую* тѣлку. Жила Кушумиха одна-одинехонька, и все копила, а для чего — одинъ дьяволъ зналъ.

Однажды, на канунъ какого-то большаго праздника, кажется на канунъ Пасхи, пришли къ ней маленькіе внучата и попросили чѣмъ разговѣться. У старухи всего было вдоволь и говядины, и масла, и яицъ, а о молокѣ и каймакѣ говорить нечего этимъ добромъ хотъ прудъ-пруди. Но старуха-скряга дала внучатамъ для разговѣнья только кислаго молока, и то не свѣжаго или мѣшочнаго, а кадочнаго, впрогорѣлаго, такого, котораго добрые люди, и побѣднѣе ея, сами не ѣдятъ, а употребляютъ на выдѣлку овчинъ, да даромъ раздають киргизамъ-байгушамъ (нищимъ). Узналъ объ этомъ весь форпостъ, и вознегодовалъ на скрягу-бабушку.

Старуха Кушумиха и безъ того была во всеобщемъ презрѣніи, какъ безмысленная и отвратительная скряга. Мишка Хандохинъ, не смотря на то, что ему было отъ роду только 10 или 11 лѣтъ, понимаетъ уже что хорошо, что худо. Онъ и прежде ненавидѣлъ Кушумиху за скряжничество, но когда узналъ, какъ она скотски обошлась съ своими родными кровными, онъ озлобился на нее, какъ на вѣдму какую, или какъ на киргизскаго разбойника Сююнгару, кото-